

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

НЕВОЗВРАЩЕНЧЕСКАЯ МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

«Невозвращенческое» движение, ставшее в эмиграции модным после «бегства» Беседовского, проявило себя главным образом в форме обильной мемуарной литературы, общий тон и стиль которой до чрезвычайности однородны: это — сенсационно - бульварное «разоблачительство».

Идеологических утверждений — а тем более пореволюционных — здесь искать не приходится: большинство авторов производит впечатление людей типично - дореволюционной, *буржуазной* психологии. Это, впрочем, пожалуй — и единственное, что можно привести если не в оправдание, то хотя в объяснение занятой ими позиции. *)

Явление невозвращенчества мо-

---

*) Из этой среды мы, конечно, выделяем совершенно особняком стоящего С. В. Дмитриевского (о книге которого был дан отзыв в № 1 журнала); Дмитриевский не только воздержался от разглашения всего того, что могло-бы России повредить — но он еще дал ряд идеологических построений, в значительной степени пореволюционных и отчасти нам близких.

жет быть рассматриваемо под несколькими углами зрения — в частности: а) как симптом частичного разложения ком - верхушки; б) как некий новый активно - политический фактор в жизни обессиллившей эмиграции (*пораженческая* деятельность: систематическое сообщение иностранцам сведений, могущих быть использованными против России, как таковой); в) наконец — как один из способов для нас изучить через призму творчества перебежчиков (с соответствующей поправкой на «разоблачительный пафос») ту бытовую *атмосферу*, в которой зревают и решаются те или иные акты общегосударственного для СССР значения — и тем дать нам возможность лучше строить свои тактические схемы.

В данной заметке мы будем рассматривать невозвращенчество исключительно с этой последней точки зрения — для чего бегло ознакомимся с очередными, опубликованными на русском языке, перлами мемуарного творчества этих новых адептов зарубежного дефетизма.

Брюссель. Июнь 1931.

Н. Перфильев

Г. А. СОЛОМОН. — «Ленин и его семья». Париж, 1931.

Автор выпускает свои воспоминания о Ленине, не потрудившись даже познакомиться как следует с его биографией. Например, он пишет «Ленин кажется (?) окончил Казанский Университет». Вообще автору память часто изменяет. Так он путает всем, сколько нибудь политически грамотным, читателям известные съезды Р. С. Д. Р. П. (Лондонский и Стокгольмский). Про пресловутую социалистическую конференцию в 1917 г. в Стокгольме он пишет «не помню (?) в точности ее назначения, кажется (?) о мире... хотя сам был в то время в Шведской столице».

Приведенных примеров достаточно, чтобы судить о качестве этой работы, переполненной неточностями. Единственно интересное в книге Г. А. Соломона, это приведенные им (по памяти вероятно) мнения Ленина о Луначарском, Троцком, Горьком и др. Любопытно, что о Меньжинском (начальнике ГПУ) Соломон отзывался, как о мягком, отзывчивом, скромном человеке.

В мемуарной литературе эта книга не займет почетного места.

М. Я. ЛАРСОНС. — «На советской службе». Париж, 1930.

Книга честного добпорядочно-го спеца, служившего «за совесть» коммунистам. Автор старается быть объективным. Он критикует большевиков лишь с практической деловой точки зрения. Много интересных данных о разных торговых операциях советской власти

1918 — 1925 годов. Автор оправдывает коммунистов в их недоверии к беспартийным спецам, соглашаясь, что они действительно первыми покинут тонущий корабль и даже помогут низвергнуть советский режим, если он закачается. Сознание обреченности у спеца неустранимо, ибо даже при сверх-лояльности он знает, что его выбросят, как только будет готова коммунистическая смена. Может ли автор (сам крупный спец) утешаться, как проф. Н. В. Устрялов, тем, что драма спецов не есть драма России, утверждающей на разгроме старой интеллигенции новые свои пути? Ларсонс повидному недалек от этой точки зрения.

Е. ДУМБАДЗЕ. — «На службе Чека и Коминтерна». Париж, 1930.

А. ОЛЬШАНСКИЙ. — «Записки агента Разведупра» (Капитана Смирнова). Париж, 1930.

Уйдя от большевиков эти два господина разоблачают из-за всех сил известные им или выдуманые тайны заграничной работы ком-партии. Служили они действительно «за совесть». Предавали своих друзей (см. гнусную историю с «т. Жуком» у Думбадзе), лицемерно при этом уверяя, что и тогда, втайне «собирались» бороться против коммунизма, что не мешало им однако оказывать советской власти самые большие услуги не брезгуя при этом весьма солидными окладами, доходами и др. преимуществами. Некоторые сценки сильно комичны. Например, разговор грузинского с. - д. меньшевика Тодрил с чекистом

«коммунистом» Думбадзе, когда тот начинает объяснять «эволюционную» теорию К. Маркса и окончательно забывает растерявшегося агента Ч. К. Автор (Думбадзе) испортил себе карьеру, прикинувшись к грузинскому национальному уклону. После этого ничего не оставалось, как переметнуться к белой эмиграции, когда, в результате командировки, он очутился в безопасности за-границей. Некоторые сведения, сообщаемые Думбадзе, все же не лишены интереса. Например, пропорция агентов ГПУ в СССР. — На четырех жителей один секретный агент! Или описание пресловутой демонстрации рабочих в честь Троцкого во время празднования октябрьской годовщины. Однако приводимые им факты особого доверия не внушают.

А. Ольшанский, обработав записки кап. Смирнова, дал просто приключенческий роман. Никаких ценных или интересных сведений из него почерпнуть нельзя.

Г. Н. МЯСНИКОВ. — «Очередной обман». Париж, 1931.

Автор принадлежит к течению заграничных правых оппозиционеров, т. е. коммунизму, приправленному демократизмом. Разоблачая советскую бюрократию, образовавшую новый класс в СССР, взамен уничтоженной буржуазии, г. Мясников призывает к установлению пролетарской демократии. При этом он находит, что демократия, многопартийность, отнюдь не мешают диктатуре. Высмеивая пресловутую советскую самокритику он утверждает, что где нет свободы организации партий, там

не может быть свободы критики. Допустить внутри - партийную критику значит допустить возможность образования фракций; фракция же есть потенциальная партия. Опасности от многопартийности не может быть в государстве пролетарской демократии.

Брюссель. Июнь, 1931.

Н. П.

П. Н. САВИЦКИЙ. — «В борьбе за евразийство». стр. 54. 1931.

Брошюра эта содержит «110 ответов» на те обвинения, которые были выдвинуты против евразийства; м. б. именно по этой причине просмотр ее оставляет столь неприятный привкус мелкой полемики и крупной саморекламы. Мне кажется, что евразийство — явление настолько значительное, что оно просто не нуждается ни в том, ни в другом. Наиболее интересное в этой книжечке — попытка привлечь к евразийству симпатии зарубежного еврейства. На стр. 5, цитируя авторов отдельных статей в «Еврейской Трибуне», П. Н. Савицкий пишет: «Европа не есть единственный путь для русского еврейства. И западничество не есть единственная для него возможность. Возможно и необходимо появление и развитие еврейского восточничества. С восточничеством этим евразийство должно быть в сотрудничестве и союзе». Повидимому мы видим здесь коренной пересмотр карсавинского подхода к еврейскому вопросу («Версты», книга III); нужно полагать, что в связи с той-же переоценкой стоит и печатание Евразийским Издательством книги Я. А. Бромберга «К пересмотру ев-

рейского вопроса. Опыт евразийского рассмотрения проблемы». Будем с интересом ждать выхода в свет этого труда.

М. А.

Проф. Н. В. УСТРЯЛОВ. — «Проблема прогресса». Стр. 38. Харбин, 1931.

Яркая, блестящая, талантливая и насыщенная содержанием брошюра. Для ищущих оформления миросозерцания — ценная новинка, ибо каждая страница ставит все новые и новые вопросы. Повсюду автор рассматривает проблему смело и на большой глубине. Не так важно, что многие вопросы остаются без ответа, для обоснования миросозерцания (а ныне это важнейший критерий оценки) не столь часто существенен ответ, как самый вопрос. Для эрудитов и специалистов брошюра Устрялова — типичная современная книга. Философские сомнения, сверх-типичная жажда радикальных и всеобщих переоценок; автор близок к отрицанию самой проблемы прогресса, как улучшения, совершенствования, смысла истории: он аргументирует свой «нигилизм» сомнениями в критериях совершенства и нравственных норм. Помимо природы прогресса, автор анализирует его историческую реальность, показывая неосуществимость прогресса в истории. Очень интересен разбор всех видов культурного прогресса — технического, экономического, интеллектуального, морального и социального. Разбор этот приводит автора к иллюзорности прогресса, как восходящей линии улучшения жизни. — «По-

зитивная теория прогресса» пишет автор «остающаяся на почве строгой науки, бессмысленно оправдать абсолютный прогресс. Контингентная схема бесконечного прогресса и в отвлеченном, чистом, выхолощенном выражении не удовлетворяет нравственное сознание своей безнадежно-дурной бесконечностью. Скептицизм и пессимизм, — законные порождения этих систем. Жизнь, как и человеческая история, окрашивается трагически». Все эти пессимистические выводы автора заставляют его спросить себя, не воплощают ли его размышления опасность бездорожья, беспочвенности? «Если нет прогресса, какой смысл имеет история? Теряется компас, исчезает крепкий берег». Н. В. Устрялов спешит тотчас-же успокоить читателя заверением, что ныне происходит переоценка гуманистических ценностей, что философия прогресса, зайдя в удручающие тупики, «требует прорыва в иные сферы бытия и сознания» (стр. 25). Читатель надеется найти в брошюре такие прорывы, но тщетно — до самого почти конца автор продолжает развенчивание кумиров и лишь на последних двух страницах дает нечто вроде положительного утверждения, уподобляя идею прогресса музыкальному произведению. «Прогресс — не в беспрепятственном линейном «подъеме», а в нарастающей бытийственности, в растущем богатстве мотивами. При этом совсем не обязательно, чтобы последующий мотив непременно был «совершеннее» предыдущего. Но он всегда прибавляет «нечто» к тому, что было до него.

Только в этом условном понимании может быть усвоена идея «общего», «абсолютного» прогресса: она постулирует общую связь, при действительной реальности которой разрозненные в эмпирии акты осмысливаются, как моменты становящегося высшего единства» (стр. 38). Едва ли нужно подчеркивать, что этот единственный положительный ответ на вопрос о сущности прогресса есть лишь приличная форма уклонения от ответа.

М. А.

Проф. Н. В. УСТРЯЛОВ. — «**Понятие государства.** Харбин, 1931.

Чрезвычайно показательно, в видах выяснения эволюции автора, сопоставить эту брошюру (вступительную лекцию в курс государственного права в Харбинском юридическом факультете) со статьей его «Фрагменты», написанной ровно 10 лет тому назад, — тем более, что между обеими статьями есть явная генетическая и даже текстуальная связь.

Устрялов — поэт силы. Его приковывает ее тайна, метафизическая духовность мощи, ее движущая идея. Этой идеи однако он не вскрывает, цепenea перед фактом. Злой силы в мире он как будто бы не видит. Отсюда пафос цитат из... Ж. де Мэстра. «Кровь — удобрение для процветания того растения, которому имя гений». Напомню другие слова того же Мэстра: «Нет ничего более благородного, чем палач; это высшее существо, краеугольный камень общества»... Но ведь исход борьбы часто решается не силою

или не только силою, но и случаем, устраняющим идею... Впрочем, правда и то, что сам случай тяготеет к силе... Феномен власти, находящийся в центре понятия о государстве, т. ск. цемент его — проблема био - психологическая (властность взгляда, посылающего к Анчару), неразрешимая в лоне юридического метода. Автор это и подчеркивает, говоря притом не только об эресе власти, но и эресе подчинения. И все же в формуле государства, которую он набрасывает, в этом симбиозе, лишь ограничивающих искомое, внешних понятий («территориально ограниченное, организованное единство, объединение оседлых людей в определенной общественной сфере») природа власти, повелевающей мощи, остается иском. Из нее выпадает творческая цель. Сомнительно было бы здесь учесть метаюридические моменты: амплификацию (геометрически прогрессирующую) функций сотрудничества, подвластность вневременной коллективной душе, слияние разновеликих психических сфер (Данте!). Юриспруденция будущего должна будет почти целиком раствориться в опытно-лабораторной коллективно - психометрии, отправляясь, скажем, не от Томазия, а от исследования мозга проф. Павловым. Скандал пустотелых понятий справедливости и права (с давно эвакуировавшейся душой) длился слишком долго, оказавшись чрезвычайно разорительным. Тут нужна коренная ломка (только начатая Петражицким), в осознании социальной сущности противопоставления схоластическим абстракциям кон-

кретных ценностей творческого порядка. Пока что к праву (в его данности) автор относится с заслуженным пренебрежением. Право подсобно - индустриальный суррогат, пригласаемый к силе на службу, когда вздумается, напр. в не - мутационные эпохи. Между тем, в указанных выше «Фрагментах», Устрялов, под наитием Гегеля, бросает замечательные мысли о том, что «переживание» само по себе не валоризирует права, что уразуметь его сущность можно лишь в связи его с «реальным рядом»; мысли, мимо которых сам автор затем парадоксально - равнодушно проходит мимо, не подняв драгоценного камня, на который наступил ногою и продолжая оперировать с понятием права в его плоскостнорутинном значении. Отмечу, что целый ряд юристов (напр. проф. Н. Алексеев) бродит вокруг той же мысли, опять таки не доразвивая ее. Однако, построя лправо, как творческую связь с вещью, мы тем самым раскрыли бы и природу власти (до сих пор как бы объявленной вне закона, без руля права, а только с ветрилом насилия), как эманации права, творчески запечатлевающего себя в реальностях, примиряюще-амальгамировав оба эти явления одной трагически - социальной значимости.

Как всегда Устрялов глубок, блестящ и изящен. Куда растет он? Цитаты из С. Франка, К. Леонтьева, Г. Лебона (между прочим, для Лебона специфична не обычно цитируемая «психология социализма», а прямо таки гениально - пророческие «психологи-

ческие законы эволюции народов»), Ривароля, Фомы Аквинского — говоря за себя... (кстати, потенция автора такова, что цитатомания пожалуй излишня — Цицерон говорил «без единой цитаты»). Мистическая (точнее мистико - биологическая) струя (личность Н. В. Устрялова всегда была для меня недоразумением) ошутима и в притушенных оговорах о некоей спорности марксистской концепции государства, как классового насилия, о междуклассовой мирной равнодействующей, о неизбежной альтруистичности дальнозоркого классового эгоизма, — и в эзоповски - кудрявой сентенции о необходимости «приспособить властвующие ценности к новому уровню сознания, овладеть рефлексией ее же собственными средствами и творчески преодолеть ее, возведя вместе с тем и подсознательное на высшую ступень»... Еще знаменательнее такое толкование им откровенных слов Маккиавелли о втором, силовом способе борьбы государя (воспитанника... человека - зверя, центравра Хирона), «объединяющей нас с дикими зверями»:

«В настоящее время (курсив мой) мы понимаем этот завет великого учителя политики не как безкрылое, ползучее поощрение животной стороне бытия человеческого, а как трезвый, пронзительный учет нашей действительной природы и зоркий призыв подчинить ее животные элементы человеческим задачам. Сила не дается природою даром. Сила есть великая, хотя и страшная вещь, и надлежит ее направить на служение добру. Стихия власти долж-

на быть организована и просветлена под знаком конкретного осознания реальной иерархии ценностей».

Отсюда только шаг до религиозной установки права. Интуитивистические веки ныне стоят на пути точного знания. Глубокий провинциализм так называемого (ибо псевдо) материалистического мирозерцания безнадежно отстал от самой позитивной науки. Именно в эту яму и провалилась Россия еще задолго до революции. Опоздавшим — кости; не только чужия, но и собственные».

Существенно, что Устрялов т. сказ. ученик Платона; первая любовь забываема; а, как известно, Платон, обосновав систему образцового государства, в котором философы правят руками тирана и поступив на службу к сиракузскому тирану Дионисию, был им, после радушного приема, вскоре отослан с бесчестьем и даже... продан в рабство, из коего еле - еле освободился. Почти тот же казус приключился и с Устряловым. Посленэповская одиозность сменовеховства (которое по «мавритански» сделало свое дело) ныне превратилась в сменовеховщество (см. статью Катаняна в «Красной Новиз»). Гонимому племени оглашенных на паперти СССР уже нельзя даже только «молчать и сочувствовать». Даже красный восторг просто (лояльность давно уже *vieux jeu*), или возведенный в квадрат «неподдельного» энтузиазма, — не всегда оканчивается благополучно... Сейчас нужна экзальтация с разодраньем на себе одежд... Но сам Устрялов всегда был осторож-

нее своих последователей. В ожидании нового зигзага генеральной линии, сосет он в харбинской берлоге философскую лапу, начиная, кажется, ощущать, что... *magis amica veritas*; что несмотря на обильное удобрение кровью, цветок гения так и не взрос; что «там, где политические сверхчеловеки начинают бродить стадами без пастыря — там государство в опасности». Если карта Устрялова была бита, то в самом протесте сменовеховства (устряловского) против немощного застоя, снижения быта и безидейности эмиграции — было некое героически-жертвенное дерзание; нечто от «ухода» Толстого, Верховенского-отца, Федора Кузьмича... В статьях Устрялова («Под знаком революции») была сгущена вся прогнворечивая безысходность нашей драмы; эту книгу живое национальное сознание эмиграции — поскольку оно имелось... — не могло не пережить вдумчиво и скорбно... В сущности, сегодня в зарубежной печати только переживается ряд забытых или даже утаенных устряловских мыслей. Некоторые из них вошли уже в разрешенный цензурой символ эмигрантской веры. Такова логика вещей, иррациональные гримасы их смысла... С живым интересом будем мы поджидать обещанного продолжения статьи, посвященно-го новейшим трансформациям государственных образований.

Я. М.

«ЗАКОН И СУД». — Вестник Русского Юридич. О-ва. Рига.

Ежемесячник этот (кажется единственный в эмиграции юриди-

ческий журнал, кроме «Вестника китайского права» в Харбине) интересен не только цивилист-практику, работающему в лимитрофах; блестящие «дневники» О. О. Грузенберга, стоящего во главе журнала, часто откликаются и на общие темы. Так например в № 13 О. Грузенберг вспоминает свои разговоры с Толстым, воскрешает из небытия прекрасные его слова: «Случалось ли вам переезжать в лодке быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет». Да, только в преображении исход, сияющий берег и радость нахождения подлинного я... Что же удивляться, что нас так отчаянно сносит? Толстой был слишком велик для своего времени. Он слышал зовы грядущего, жил как бы в его плане, ощущал ту незримую тень, которую будущее бросает впереди себя. Будил, да так и не разбудил нас. Вот и другой большой Человек ушел, трагически, как Вейнингер, из жизни, как бы в отчаянии от общей глухоты: Петражицкий. Есть что то вешее в отлете освобождающегося от земного тяготения, переросшего свой разум, духа. Чорт догадал и его, Петражицкого, с душой и талантом родиться в России, а умирать... на чужбине повоенного бездушия. О. Грузенберг, проводивший не так давно пять дней у Петражицкого в Варшаве, записывает в № 20 следующие его слова: «...Я уже давно не читаю ничего серьезного. Одну газету за целый день. Достаточно! Эта глупая и злая порода, имену-

емая человеком, переколотила миллионы людей в войне международной, теперь рвется изо всех сил к новой, быть может еще более страшной войне... Со времени Франц. революции ничего не изменилось — а прошло с того времени без малого полтора столетия, — где же тогда духовный прогресс?.. Не вы ли писали мне, что «Чека не только в большевицких подвалах, но и в сердцах буржуазии и ее интеллигенции»?... Мне мешает работать и жить отсутствие желания жить... Если б я не был верующим, то давно ушел бы... Вы лучше вот что скажите мне — веруете ли вы в Небо и загробную жизнь?... Я думал, что жизнь вся еще впереди. А вот она окончена — вся и без остатка. — «А затем», говорит О. Грузенберг, «более чем в часовой речи он, с присущей ему стройной логичностью и тщательной методичностью в аргументации, нарисовал картину гибели обреченной, как он выразился, Европы, описал точно пути, по которым пойдет эта гибель и назначил примерные сроки. Мне трудно было ему возражать, так как сам думаю приблизительно то же — но с той лишь существенной разницей, что не считаю общечеловеческой гибелью крушение мировоззрения моего поколения, равно как глубоко верую, что «золотой век» — не позади, а впереди — всегда и во всем впереди. Но такого глубокого обоснования исторического предсказания, провидения, мне никогда не приходилось слышать». Щемит сердце читать, как О. Грузенберг пытался оживить Петражицкого предложением записывать под его диктовку: «я понял,

что упавшей в песок реке не вырваться наружу... Долго, по возвращении к себе в Ригу, я думал о Петражицком и всегда он представлялся мне простирающим руки к небу с мольбой наставить, научить, как ему дотянуть свою мертвую жизнь до страстно желаемой кончины. Но небо холодно молчало. Утром 15 мая он наложил их на себя».

Тревога Петражицкого кажется особенно вещей на фоне безнадежности недавних прогнозов Шпенглера, Лебона, Эйнштейна, Муссолини...

Я. М.

В. Н. ИЛЬИН. — «Шесть дней творения». Париж.

Книга проф. В. Ильина является опытом естественно - научного оправдания библейского мифа. В сжатой, но яркой форме автор не только дает отпор механистическому мирозерцанию, но убедительными примерами показывает, как отстало оно от самого точного знания; насколько органическая идея сотворяющей, предвидящей силы в мире, в своем триумфальном возвращении, смекает все псевдо - натуралистические попытки обесмыслить жизнь. Знать все это важно и политику, коль скоро хочет он строить общество не на песке. «Дискретность» общества, бывшая главным возражением против органической теории его, озаряется новым светом, когда частицы самих атомов оказываются находящимися (электроны от протона) на звездных расстояниях. Интересна книга и в связи с поисками синтетической плазмы, которыми от-

мечены наши дни. Некоторая неистовость оценок и заумность заключительных богословских страниц незаметна на фоне подлинно любовного отношения автора к теме. Материал использованный им громаден. Есть одна опечатка, которую нельзя не отметить, пожав руку наборщику: о появлении уже в пермский период палеозойской эры позвоночных и рентилий. Стало быть — задолго до сотворения человека... Думаю, что цель В. Ильина была не только дать настольный справочник, сгущающий натур - богословские вопросы, о которых можно спорить, но главным образом, заставить задуматься над тайной, в которой мы растворены... Цели этой он достиг. Поэтическую душу, изумленно - любопытствующую к миру, книга эта взволнует. Большого и не надо: это и есть религиозная тихая песнь, несущаяся из глубины веков. Ушла она из мира и явно становится он безпризорным. Вокруг нее и должны сплотиться ближние и други культуры в наш поздний час. Работа В. Ильина и рассчитана на такого изысканного читателя, одержимого ощущением безмерности мистерий жизни и единственности их смысла в судьбе человека.

Я. М.

«СВОЙ ПУТЬ» № 1. Июнь, 1931.

Ежемесячная газета под редакцией В. А. Пейль.

Издается этот орган в Эстонии при ближайшем участии евразийцев правого (т. н. «пражского») толка. Первый номер знакомит местного читателя с основными предпосылками евразийства — и поэтому пока трудно еще опреде-

лечь индивидуальный облик газеты. Будем надеяться, что она не ограничится узко - партийными задачами и что мы сможем приветствовать в лице «Своего Пути» нового собрата по общему пореволюционному фронту.

Ю. Ш.

«1931 ГОД. ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ? К ЧЕМУ ОНА ПРИШЛА?»

Под таким заглавием появилась в Белграде (склад издания: книжный магазин «Возрождение», Добринска 12) небольшая, но чрезвычайно насыщенная содержанием брошюра автора, пожелавшего остаться неизвестным.

Она содержит интересный опыт систематического изложения пореволюционного «нео - народничества» — во всяком случае, одного из его аспектов.

Приводим некоторые, наиболее характерные, утверждения автора:

«Итак, что-же такое Россия? Одна из великих держав Европы? Нет — это особый громадный историко - географический мир, неизмеримо просторнее Запада и несравненно подвижнее Востока...

Сельская страна отсталого хозяйства, бедности, сырья и рынка для Запада? Нет, это универсальное хозяйство... законченный круг сырья, производства и рынка... «самодостаточное государство».

Нация - государство, вроде Англии, или Франции, или Италии? Нет, Россия... не один народ, а «общество народов»...

Социальный зародыш, «примитив», тщетно догоняющий утонченно и сложно развитую социальную организацию Запада? Нет, это некое особое социальное стро-

ение, уже давно выросшее из примитива и уже вросшее в новую культуру.

Фатальная деспотия Востока? Нет... это страна не «деспотическая», а «демотическая»... слагающаяся в новую — серьезную, углубленную, земско - деловую демократию.

Одна из культур Европы? Нет... Россия ныне — не отсталый хвост Европы, а прошедший рядом с ней своими — новыми — путями предтеча XX века». (стр. 74-76).

Установка автора — не агрессивна; по его мнению, задача предстоящего периода — прежде всего **самоустроение**; в области внешней политики миссия России он утверждает, как несение «мира всему миру».

Антитеза «капитализм - коммунизм» может быть, по его мнению, преодолена при помощи развитой и правильно организованной операции.

В брошюре, рядом с очень близкими нам и несомненно пореволюционными утверждениями — есть и промахи (ультра «крестьянофильский подход»), наивности (государственное слияние с славянами), — есть и серьезные провалы (нет ясного утверждения примата духовного начала; заметно сильное влияние натуралистических теорий; совершенно обойден религиозный момент — проблема российского мессианского призвания даже не затронута и т. д.).

На всем изложении заметен некоторый налет розового интеллигентского прекрасодушия (и это несмотря на ярко оттененный, вполне осознанный автором, пре-

вал в России всякой «интеллигентщины») — много типично до-революционного «розового» идеализма.

Несмотря на эти недочеты — брошюра производит очень большое впечатление; написана она искренно, с несомненным подъемом; изложена хорошим, общедо-

ступным русским языком.

«1931 год» — ценный вклад в пореволюционную политическую литературу; всякому, интересующемуся проблемой пореволюционного народничества мы настоятельно советуем с этой брошюрой познакомиться.

Ю. Ш.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ДЛЯ ОТЗЫВА:

- Алексей Ремизов — Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры. YMCA-Press. Париж MCMXXXI.
- Владислав Иванов — Заметки по вопросам эстетики. Париж 1931.
- Владимир Гушик — Христовы язычники. Таллинн 1929.
- Николай А. Реймерс — Эстетический принцип в истории. Опыт характеристики народов. YMCA-Press. Париж 1931.
- 1931 год. Что такое Россия? К чему она пришла? Белград 1931.
- Проф. Н. В. Устрялов — Понятие о государстве. Харбин 1931.
- Проф. Н. В. Устрялов — Проблема прогресса. Харбин 1931.
- Культурная автономия. Вступительная статья к закону о культурной автономии проф. М. А. Курчинского. Изд. Нарвского отд. Русск. Нац. Союза. Нарва 1931.
- Закон и Суд. Вестник русского юридического общества. Рига. № 20. Свой Путь. Ежемесячная газета под редакцией В. А. Пейль. № 1.
- В. Н. Ильин — Шесть дней творения. YMCA-Press. Париж 1931.
- Birmingham Bureau of Research on Russian Economic Conditions. Memorandum № 1. May 1931.

ОТ КНИЖНОГО МАГАЗИНА Я. ПОВОЛОЦКИЙ и К-о:

- М. Я. Ларсонс — На советской службе. Париж 1930.
- Е. Думбадзе — На службе Чeka и Коминтерна. Париж 1930.
- А. Ольшанский — Записки агента Разведучра. Париж 1930.
- Г. И. Мясников — Очередной обман. Париж 1931.
- Г. А. Соломон — Ленин и его семья. Париж 1931.
- П. Н. Савицкий — В борьбе за евразийство. 1931.
- Р. О. Якобсон — К характеристике евразийского языкового союза. Издание евразийцев. 1931.

Le Gérant : M. Bisnovaty.

Imprim. de la Soc. Nouv. d'Éditions Franco-Slaves
32, rue de Ménilmontant, 32, Paris (20)